

А. М. Самозванцев

ТЕОРИЯ СОБСТВЕННОСТИ В ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

ПРЕДМЕТОМ исследования в настоящей работе является собственность в древней Индии в ее юридическом, а не социально-экономическом содержании. Речь идет об индийском частном праве, точнее — теории права древней Индии под сравнительно узким углом зрения: а именно, о понятии «право собственности» и системе тех критериев, которыми пользовались индийцы в древности для выработки этой дефиниции.

Следует сразу же оговорить, что мы подразумеваем под теорией права, одним из проявлений которой являлась древнеиндийская теория собственности на все разновидности имущества. Нам представляется, что теория права — это возникшая на основе практики правоотношений система правовых представлений, в которой эти представления предстают взаимосвязанными, со своей внутренней структурой, аргументацией и логикой изложения. В юридическом тексте теория права обычно — формула, содержащая важное правовое положение без приведения данных, которые иллюстрировали бы его применение в юридической практике (см., например, «Яджнавалкья» II.22 и II.29 — в версии Вишварупы).

Весьма перспективны поиски древнеиндийских правовых систем в дхармашастрах, для составителей которых вопросы права имели немаловажное значение. Отчасти это объясняется тем, что государственное законодательство в древней Индии было неразвитым. Уже в раннем средневековье правовые указания и рекомендации составителей дхармашастр — памятников литературы древней Индии, ориентированных в значительной мере на то, чтобы сделать эти пожелания реальностью, — приобретают силу неписаных законов, ими руководствуются при судопроизводстве. Тот факт, что именно в дхармашастрах в виде законченных концепций содержится теория права, та юридическая модель, которая возникает на стыке права и правоведения, объясняет привлечение в качестве источников по данной работе дхармашастр, а, скажем, не памятников палийского канона, в которых представлены лишь сколки обычного права, но не системы права.

Употребляя в тексте работы выражение «теория собственности» (или «теория *агамы*»), мы, однако, не хотим тем самым сказать, что она осмыслялась в качестве таковой юристами древней Индии. Неправильным было бы также мнение, что эти правовые представления были искусственно вызваны к жизни необходимостью объяснить практику имущественных отношений — они были результатом длительного и очень сложного развития права Индии. Но вместе с тем эти представления не были плодом досужего умствования индийских юристов — они, безусловно, являли собой изве-

стную абстракцию этих отношений, но связанную с ними и, как будет показано в нашем исследовании, выраставшую из них непосредственным образом.

В разное время ученые разных школ и направлений занимались изучением проблем собственности и права собственности в древней Индии. В их числе следует назвать Ю. Йолли, Б. Брелера, Р. Гангопадхьяю, У. Н. Гхошала, Р. К. Мукерджи, Н. Сен-Гупту, Г. Л. Адхью, Л. Гопала, С. К. Майти, Р. Ш. Шарму, Е. Ричл и М. Шетелих, Л. Штернбаха, Г. М. Бонгард-Левина, Г. Ф. Ильина, Е. М. Медведева¹, которые в большей или меньшей степени и с большим или меньшим успехом затрагивали эти вопросы в своих работах. Наиболее важные наблюдения в этой области, по нашему мнению, были сделаны Ю. Йолли, Е. Ричл и М. Шетелих, Л. Штернбахом — они пытались установить тот понятийный аппарат, которым пользовались древнеиндийские юристы для передачи таких дефиниций, как «право собственности», «владение», «пользование».

Ю. Йолли впервые указал на существование в древнеиндийском праве таких категорий, как владение и собственность, различие между которыми выражено терминологически². Он установил, что понятия «собственность» и «право собственности» передавались терминами, производными от пропмена *свам* (*сватва*, *свамья*, *свамитва* и пр.), владение — производными от глагола *бхудж* (*бхога*, *упабхога*, *бхукти* и др.). Выводы Ю. Йолли проверили на материале «Артхашастры» Е. Ричл и М. Шетелих и пришли к выводу, что понятие *свамья*, которое проявляется прежде всего в праве распоряжения вещью, означает право собственности на имущество. Термины *бхога*, *упабхога*, *бхукти* имели, судя по «Артхашастре», значения «употребление», «использование». Авторы полагали, что в «Артхашастре» вполне прослеживается разница между собственностью и владением, причем видна зависимость собственности от владения³. Наконец, Л. Штернбах в своем фундаментальном труде по древнеиндийскому праву высказал ряд интересных замечаний по юриспруденции поземельного права древней Индии, обнаружив параллели между отдельными положениями римского и индийского права⁴.

Следует, однако, отметить, что принимая тезис Ю. Йолли об особенности употребления в древнеиндийских текстах терминов, производных от *свам* и *бхудж*, индологи оставляли в стороне другое, на наш взгляд,

¹ J. Jolly, *Recht und Sitte (Grundriss der indoarischen Philologie und Altertumskunde)*, Strassburg, 1896; B. Breloer, *Kautaliya-Studien*, Bd. I, Bonn, 1927; R. Gangopadhyaya, *Some Materials for the Study of Agriculture and Agriculturists in Ancient India*, Serampore, 1932; U. N. Ghoshal, *Contributions to the History of the Hindu Revenue System*, Calcutta, 1929; R. K. Mukerji, *Indian Land-System Ancient, Mediaeval and Modern*, Alipore, 1958; N. Ch. Sen-Gupta, *Evolution of Ancient Indian Law*, Calcutta, 1950; G. L. Adhya, *Early Indian Economics. Studies in the Economic Life of Northern and Western India*, 200 B. C.—300 A. D., L. 1966; L. Gopal, *Ownership in Agricultural Land in Ancient India*; JESHO, 1961, vol. IV, pt. 3; S. K. Maiti, *The Economic Life of Northern India in Gupta Period (cir. A. D. 300—550)*, Calcutta, 1957; R. Sh. Sharma, *Indian Feudalism: c. 300—1200*, Calcutta, 1965; E. Ritschl, M. Schetelich, *Zu einigen Problemen der Eigentumsverhältnisse (speziell an Grund und Boden) im Kautaliya Arthaśāstra*, MIO, 1966, Bd. XI, Ht. 2; L. Sternbach, *Juridical Studies in Ancient Indian Law*, Pt. I—II, Delhi, Varanasi, Patna, 1965—1967; Г. М. Бонгард-Левин, К проблеме земельной собственности в древней Индии, ВДИ, 1973, № 2; Г. М. Бонгард-Левин, Г. Ф. Ильин, Древняя Индия, М., 1969; Е. М. Медведев, Рента, налог, собственность. Некоторые проблемы индийского феодализма, «Проблемы истории Индии и стран Среднего Востока», М., 1972.

² Jolly, ук. соч., стр. 90.

³ Ritschl, Schetelich, ук. соч., стр. 330.

⁴ Sternbach, ук. соч., ч. II, стр. 21—30.

не менее важное его наблюдение, а именно: в индийских источниках засвидетельствовано положение о «титуле приобретения или титуле владения» (Erwerbs- oder Besitztitel (*āgama*). В качестве одного из примеров его применения на практике Ю. Йолли приводит следующий случай: если владелец доказывал, что он приобрел объект, ставший предметом тяжбы, путем купли, получения в дар и прочими способами, объект оставался в его владении; кто не доказывал с помощью документа и прочих аргументов, что он — законный владелец (*Besitzer*), тот рассматривался как вор и подвергался наказанию⁵. Однако, хотя Ю. Йолли правильно подметил, что понятие *агама* в известном смысле выступало как «титул приобретения», он ошибался, полагая, что *агама* — титул на владение, не говоря уже о том, что путем купли, получения в дар и т. д. объект приобретался в собственность, а не во владение. В действительности, понятие *агама* было близко по смыслу к понятию *свамя*, *сватва*, подразумевая тем самым право собственности, а не владения на объект. Но примечательно, что даже в новейшем «Санскрито-немецком словаре» Клауса Мюлиуса, изданном в ГДР в 1975 г., термин *агама* наряду со значениями «происхождение», «приобретение» имеет также значение «владение»⁶ и это, конечно, является показателем неудовлетворительности исследования данного вопроса.

Нам представляется, что подобная неудовлетворительность исследования объясняется следующими причинами. Во-первых, ошибка ряда исследователей, начиная с Ю. Йолли, состояла в том, что они не учитывали одного существенного обстоятельства: а именно, что реальные имущественные отношения и развивающиеся на их основе право неадекватны, и смешивали их. Можно и нужно сравнивать реальные отношения собственности и возникающее на их основе право собственности, но нельзя смешивать одно с другим. Между тем индологи часто использовали юридические тексты *шастр*, истолковывая любое правовое положение как вполне определенный факт из практики имущественных отношений, игнорируя юридический контекст источника, в котором значительное место отведено изложению теоретических вопросов права. Не выясняя древнеиндийского права как такового, ученые притягивали его к европейским правовым представлениям, констатируя в том или ином случае, что юридические теории древних индийцев неразвиты по сравнению с римским правом. Во-вторых, для многих работ по истории древней Индии характерно объясняемое невниманием к собственно индийским правовым концепциям пренебрежение индийской юридической терминологией, либо употребление этой терминологии без должного ее анализа. Так, в своих переводах *шастр* Ю. Йолли переводит термин *бхога* то как «владение», то как «пользование», что можно объяснить только отсутствием соответствующего анализа индийской системы взглядов на эти понятия. В-третьих, наблюдается подход к *дхармашастрам* как к источникам, правовые представления которых лишены внутренней логики и бессистемны. Это мнение в корне неверно. На самом деле в любой концепции данного памятника всегда есть своя логика изложения, а юридическая (и не только юридическая) терминология, употребление которой подчинено строгой закономерности, служит при этом своего рода путеводной нитью, которой можно соединить часто разбросанные мысли авторов памятников в стройную логически законченную композицию.

⁵ Jolly, ук. соч., стр. 92.

⁶ Wörterbuch Sanskrit-Deutsch von Dr. Dr. habil. Klaus Mylius, Lpz, 1975, стр. 61.

* * *

В настоящей работе идет речь о теории собственности, имевшей универсальный характер. Она охватывала самые различные виды собственности, но показана в шастрах прежде всего на примере земельной собственности, на которой было сосредоточено внимание древнеиндийских юристов. И сложилась теория собственности, вероятно, прежде всего как теория земельной собственности, т. е. в практике поземельных отношений. Естественно, поэтому, что в данной работе земельной собственности тоже будет уделено первостепенное внимание. Мы сделаем попытку показать, какое место занимали в древнеиндийском праве понятия *сватва*, *бхога*, *бхукти*, *агама*, *праман*, а также то, в чем именно выражалось древнеиндийское право собственности.

1. Понятия *праман* и *агама*. Иерархия *праманов*. Их характеристика

Ядро древнеиндийской теории собственности образовывали два понятия: *агама* и *праман*, которые неоднократно встречаются в шастрах и в юридическом контексте имеют строго определенное содержание. Понятие *агама* (*āgama*), судя по всему, обозначало право собственности, которое возникало законным путем: например, когда один собственник приобретает путем купли имущество другого собственника или получает от него то же имущество в дар. С точки зрения индийских юристов, лишь обладающий *агамой* человек считался законным собственником. Закладывание не предполагало появления *агамы* у залогодержателя, так как заложенное имущество передавалось не в собственность, а во владение.

Термин *праман* (*pramāṇa*) имеет смысл «законный авторитет». Например, когда в шастре говорится, что у данного человека есть *праман* на использование имущества, тем самым сообщается, что пользование имеет под собой законную основу. В смысле же юридическом *праман* — это юридический аргумент, оправдывающий в суде действие, совершенное его предьявителем; в частности, предьявление *прамана* в суде позволяет утверждать, что данное лицо имеет имущество в законном держании.

Праман был средством к приобретению *агамы*. И хотя шастры и комментарии часто упоминают *агаму*, подразумевая при этом *праман*, суть от этого не меняется. Согласно дхармашастрам, *праман* трехчленен: в иерархии *праманов* высшим считался документ (*likhita*, *pattra*), средним по значимости — свидетель (*sākṣin*), низшим — пользование (*bhukti*). Но реальная значимость *праманов*, как будет показано далее, могла быть иной.

Заключив предварительный разбор понятий *агама* и *праман*, следует сказать, что *праманы* были не только атрибутами сделки по приобретению имущества в собственность, но и после ее заключения они подтверждали законность земельного и всякого иного держания. В качестве примера можно привести следующий случай: в момент купли недвижимости покупатель и продавец составляют купчую, в которой фиксируются данные об имуществе, ставшем предметом сделки, имена контрагентов, свидетелей и прочие сведения — это и есть *праман* «документ». Свидетели, присутствующие при заключении сделки — второй *праман* — «свидетель». После получения имущества в собственность покупатель начинает его использовать — вступает в силу третий *праман* — «пользование». Наличие у собственника документа, свидетельских показаний, подтверждавших законность его приобретения и пользования и создает собственно *агаму*. Таким образом, *агама* — это совокупность *праманов*.

Впервые видовую характеристику *прамана* мы встречаем в «Вашистха-дхармасутре» XVI.10, согласно которой *праман* бывает трех

типов: документ, свидетели и пользование. Об этом же говорит «Яджнавалкья» II.22, добавляя, что при отсутствии одного из них *праманом* являлась одна из ордалий (в данном случае «Васиштха» и «Яджнавалкья» отражают одну и ту же традицию). Виджнянешвара в своем комментарии на шлоку «Яджнавалкья» II.22 характеризует *праман* значительно подробнее: по его словам, *праманы* делятся на человеческие и божественные, первыми из которых являются документ, свидетели и пользование, а вторыми — ордалии. Документ бывает двух категорий — царский эдикт и письменное публичное уведомление. Свидетелей насчитывается несколько категорий (см. ниже). Что же касается пользования, то важно, лежит в его основе право собственности или нет. На основе рассуждений можно сделать вывод, что пользование, если оно не опирается на право собственности, незаконно. Это указание является своего рода лейтмотивом в дхармашастрах, и далее мы попытаемся показать, насколько оно соответствовало действительности.

О видах *прамана* сообщает и «Нарада» I.65. Она дополняет «Яджнавалкью», указывая, что именно благодаря *праману* при приобретении имущества в собственность получатель это имущество (ср. «Васиштху» XVI.10). Бхавасвамин разъясняет в комментарии, что важно приобрести имущество с помощью правильно установленных *праманов*, но они требуются и после приобретения имущества для использования его на законном основании. Пренебрежение *праманами* ведет к неустановленности отношений собственности. «Нарада» классифицирует *праман* еще в одном месте (I. 100), а Асахая в комментарии на «Нараду» I.68 перечисляет *праманы* четырех видов: документ, свидетелей, пользование и ордалии.

Праманы фигурируют в источниках прежде всего в контексте, в котором речь идет о разного рода тяжбах — особенно по поводу недвижимости. Но помимо этого они рассматриваются как юридические доказательства при решении тяжб иного характера, причем в разных случаях одни *праманы* имели большее значение, а другие — меньшее. Так, в том же комментарии на «Яджнавалкью» II.22 Виджнянешвара указывает, что в делах, связанных с насилием, требуются свидетели и ордалии; когда речь заходит о правилах, касающихся *пуги, ганы, шрени* и прочих корпораций, документ, в котором эти правила были зафиксированы (т. е. устав данной корпорации), был достаточен для решения дел судебного характера, если они имели отношение к членам данных организаций. Функции же судебных органов, как видно из источников, возлагались на те же *пуги, ганы* и т. д. («Яджнавалкья» I.361; «Нарада», Вв. I.7; «Брихаспати» I.92 — здесь и далее имеется в виду первая книга «Брихаспати» — «Вьявахараканда»). В тяжбах относительно выплаты и невыплаты жалованья, выполнения работы и вообще касающихся договорных отношений, в спорах о покупной цене, продаже движимости и недвижимости особое значение имели свидетельские показания. Но когда речь идет о недвижимости после приобретения ее в собственность, самым важным *праманом* был документ, и составители *шастр* и комментаторы акцентируют на этом внимание (см., например, «Нараду» I.115. Бхавасвамин в комментарии на эту шлоку замечает, что в отношении недвижимости документ является *праманом* из-за своего «постоянства»). О том, когда первостепенное значение приобретал *праман* «пользование», сообщает, в частности, «Брихаспати» VII.21.

О применении *праманов* комментаторы говорят следующее: Куллука в комментарии на «Ману» VIII.47 пишет: «Для достижения ценности, (данной) должнику, т. е. для получения ссуженных денег собственником (этих) денег, царь, выяснивший, (что требование кредитора) обосновано

устным показанием, документом и прочими *праманами*, пусть заставит должника вернуть деньги кредитора. Пусть он заставит передать (их) от должника кредитору». В комментарии на «Ману» VIII.262 тот же комментатор указывает: «В случае спора в одной деревне о пограничных знаках поля, колодца, пруда, сада и дома имеет авторитет свидетель, живущий в той же местности...» (см. также комментарии Куллуки на «Ману» VIII.178 и VIII.51).

2. Соразмерная сила *праманов* («авторитетов»)

Источники довольно подробно освещают вопрос, какой из *праманов* приобретал большее значение в судебном разбирательстве в том или ином случае. «Нарада» I.67 указывает по этому поводу: «Из трех видов рассмотренных по порядку *праманов* предшествующий превосходит последующего...», т. е. документ имеет большее значение, чем свидетели, свидетели важнее пользования. Бхавасвами в комментарии замечает, что свидетелям свойственно забывание сути дела, тогда как в документе она сохранена для потомков на значительное время. О силе документа, по сравнению со свидетельскими показаниями, говорит в своем комментарии на «Нараду» I.75 Асахая, имея в виду отношения должника и кредитора. По его мнению, тщательно сохранившийся документ даже в случае смерти кредитора является важным аргументом в суде и может быть использован сыном, внуком, правнуком и более отдаленным потомком, когда в суде идет тяжба. Даже через четыре-пять поколений документ будет иметь силу; свидетели же имеют силу, пока живы. О соразмерной силе документа, свидетелей и пользования «Нарада» говорит и в другом месте (I.66), причем из этого высказывания видно, что пользование становится *праманом* по истечении определенного времени. Обозначение пользования в системе *праманов*, его подчинение двум более высоким «авторитетам», кажутся очевидными.

Документ становился *праманом* на неопределенно долгое время при соблюдении условий, связанных с понятием «идеального» пользования, выработанным индийским правом. Это пользование теоретически не могло быть прекращено ни при каких обстоятельствах. «Брихаспати» VII.64, например, указывает, что такое пользование должно отвечать пяти условиям: осуществляться на законном основании, быть долговременным, непрерывным, свободным от претензий и происходить на глазах ответчика. О таком же «идеальном» пользовании говорит Виджнянешвара в комментарии на «Яджнавалкью» II.27. Выражение «на глазах ответчика» подразумевало публичность пользования, дабы потенциальный отторгатель остерегался присваивать себе это имущество. Несоблюдение этих условий, прежде всего — пренебрежение правом собственности, связанное с отсутствием пользования объекта, который используется другими (*упекша*), прекращало действие документа (см., например, «Ману» VIII.147).

Свидетелей «Нарада» дифференцирует по ряду внешних признаков, в зависимости от которых показания свидетелей того или иного типа были рассчитаны на больший или меньший срок. Так, в «Нараде» I.146 говорится, что свидетель первого типа — «подписавшийся» или «записавшийся» — дает показания, имеющие силу «долгое время». Но так как «подписавшийся» свидетель не кто иной, как свидетель, показания которого были отмечены в документе, сила этих показаний была рассчитана на срок жизни данного свидетеля. Свидетель, «запомнивший документ», давал свои показания в течение восьми лет. Этот свидетель приглашался на церемонию подписания документа, но в самом этом акте не участвовал. Свидетель, случайно оказавшийся на церемонии подписания документа и, таким образом, косвенно засвидетельствовавший его содержание, давал показания в течение

пяти лет. Эти три категории свидетелей существуют лишь постольку, поскольку показания свидетелей этих типов подкреплены наличием документа, в то время как сам документ валиден благодаря зафиксированным в нем свидетельским показаниям. Наконец, «тайный» и «косвенный» (или «низший») свидетели могли участвовать в тяжбе соответственно в течение трех лет и одного года. Так как фигурировавший в тяжбе документ мог иметь отношение не только к земельной собственности, «подписавшийся» свидетель, свидетель, «запомнивший документ», и свидетель, случайно оказавшийся в момент его подписания, могли давать свои показания, например, по поводу задолженности. В этом отношении «тайный» свидетель, функции которого состояли в подслушивании какого-то разговора, и «косвенный» свидетель, вероятно, менее всего были пригодны для решения тяжб по поводу недвижимости.

Когда в суде рассматривались случаи насилия, драки и прочие уголовно наказуемые действия, привлечение других *праманов* не требовалось, как это следует, например, из высказывания «Вьясы» в изложении Куллуки (комментарий на «Ману» VIII.77): «Даже один (человек) будет *праманом*, особенно (в случаях) грабежа». Человек, привлекаемый к судебной ответственности, не мог давать свидетельские показания: «(Если) какой-либо несобственник продает собственность другого (человека), то этого вора, мнящего (себя) не вором, (судья) пусть не допускает (к даче) свидетельских показаний» («Ману» VIII.197).

Понять значение, которое составители *шастр* придавали третьему *праману* — «пользованию», сложнее. Следует думать, что пользование, в отличие от документа и свидетелей, само по себе не было *праманом*. Это видно из категорических предписаний дхармашастр («Яджнавалкья» II.29 в версии Вишварупы): «С чистой *агамой* пользование достигает авторитетности; пользование без чистой *агамы* не достигает авторитетности». Под «авторитетностью» здесь и далее имеется в виду законность. Предписания аналогичного характера есть в «Нараде» I.76 и I.86. В последнем из них говорится, что одно пользование — не *агама*; человек, у которого есть одно пользование, но нет *агамы* — вор. Очевидно, что под *агамой* здесь и в других случаях такого рода подразумевается по крайней мере документ и свидетели, поскольку третий *праман* — «пользование» — в наличии. Более того, можно думать, что в подобных случаях под *агамой* составители *шастр* подразумевают прежде всего документ как наиболее авторитетный *праман*, обеспечивающий законность держания в течение длительного времени.

Комментаторы дхармашастр единодушны в своем мнении, когда речь заходит о валидности одного пользования — оно незаконно (см., например, комментарий Виджнянешвары и Апарарки на «Яджнавалкью» II.27 и комментарий Бхавасвами на «Нараду» I.80). Когда же пользование становится *праманом*? На этот счет «Брихаспати» VII.24 указывает, что пользование становится законным, когда оно связано с куплей или закладыванием имущества. Купля имущества предполагает оформление документа-купчей, в сущности, установление *агамы*. Закладывание имущества означает передачу права владения собственником контрагенту. Если залог предназначался для использования, он мог использоваться залогодержателем-кредитором. Но «законность» пользования здесь отлична от «законности» пользования вследствие купли — она обеспечивается наличием договорных отношений контрагентов, и закладывание имущества само по себе возможно потому, что должник имеет *агаму* на закладываемое имущество.

Комментаторы говорят, что обычно в основе пользования должно лежать право собственности (см. комментарий Медхатитхи на «Ману»

VIII. 200; Вишварупы на «Яджнавалкью» II.29; Апарарки на «Яджнавалкью» II.24). Можно теперь предположить, что связанное, скажем, с документом, пользование становилось *праманом*. Лишенное же поддержки других *праманов*, указывает «Нарада» I.77. пользование прекращается как незаконное.

3. «Пользование» — важнейший из *праманов*

Казалось бы, после категорических указаний составителей шастр и комментаторов, приведенных выше, утверждать, что «пользование» — самый значительный *праман*, по меньшей мере смело. Однако дальнейшее рассмотрение материала источников убеждает в обратном. В самом деле, составитель «Яджнавалкьи» (II.27; ср. «Брихаспати» VII.33) говорит: «*Агама* (становится) выше пользования, за исключением происходящего от предков; но даже *агама* не имеет силы, (если) нет хотя бы незначительного пользования». Аналогично указание «Нарады» I.68: «Даже при наличии документа (и) живых свидетелей — это непрочная (собственности, если) она не находится в пользовании; особенно (это касается) недвижимости». Такого же рода дополнение содержится в уже частично цитированной шлоке «Нарады» I.67. Виджнянешвара и Апарарка в комментариях на «Яджнавалкью» II.27 следуют верою шастрм. Апарарка, по-прежнему утверждая превосходство *агамы* над пользованием, подчеркивает, что после приобретения имущества в собственность и установления *агамы* большое значение имеет факт использования имущества. Следует процитировать часть комментария Асахаи на «Нараду» I.76: «... Таким же образом благодаря *агаме* документ важнее свидетелей, и пользование, обоснованное *агамой*, более весомо, чем они, т. е. свидетели, документ и ордалии». В этом отрывке термин *агама* подлежит замене на термин *праман*, и в первом случае получается: благодаря *праману* документ важнее свидетелей, а во втором: пользование, обоснованное *праманом*, более весомо, чем они, т. е. свидетели, документ и ордалии. В первом случае *праман* — пользование, во втором — документ и свидетели.

Из комментариев Бхавасвами на «Нараду» I.68 и Асахаи на «Нараду» I.77 следует, что каждый *праман* в отдельности — не *праман*, но и свидетели в сочетании с документом еще не имеют достаточной силы. Поэтому требуются два *прамана*, одним из которых обязательно должно быть пользование. О том, что именно пользование в сочетании с любым из остающихся *праманов* и образует *агаму*, совершенно недвусмысленно говорит Рагхавананда в комментарии на «Ману» VIII. 200, где суть *агамы* разбирается специально. Так же определенно высказывание «Брихаспати» VII.30: законность достигается пользованием и *агамой* (т. е. любым другим *праманом*).

Приведенные сообщения источников свидетельствуют о том, что, занимая в иерархии *праманов* последнее место, пользование становилось *праманом* де-юре, соединившись с другим *праманом* — документом или свидетелями. Сочетание документ — пользование во время тяжбы, конечно, было весомее сочетания свидетели — пользование. Но одновременно пользование было самым нужным и важным *праманом*, поскольку после приобретения имущества в собственность этот *праман* образовывал долговременную *агаму*. Выражаясь языком математики, можно сказать, закодировав документ как А, свидетелей — как В, пользование — как С, что *агама*, т. е. право собственности, образуется соединением $A + C$ или $B + C$. Слагаемое $A + B$ образовывало недолговременную *агаму*.

То обстоятельство, что низший из *праманов* — «пользование» в юридической практике становится весьма важным, объяснялось тем, что он вошел

в комплекс нравственных ценностей индийца: забрасывание земли считалось аморальным, а это, вероятно, определялось тем, что государство и община были крайне заинтересованы в возделывании земли. Помещение же пользования на последнее место в иерархии *праманов* указывало на стремление защитить различные виды частной собственности, в том числе земельную, от притязаний лиц, заведомо лишенных прав собственности и могущих в суде сослаться только на факт пользования имуществом и уплаты в казну части полученного в результате этого пользования дохода.

4. *Бхукти/бхога* — «владение» или «пользование»?

Прежде чем перейти к рассмотрению поставленного в заголовке вопроса, следует отметить следующее: термин *бхога* в юридическом контексте мог заменять термин *бхукти*, подразумевая тот же *праман*. Вся разница здесь состояла только в том, что термин *бхукти*, в силу, возможно, определенной традиции, обозначал в схеме *праманов* *праман* «пользование», выражая ту мысль, которую хотели им передать древнеиндийские юристы.

Нужно также иметь в виду, что в древнеиндийском праве не было системы терминов *бхукти-сакшин-ликхита*. Была система понятий, которые могли быть выражены как этими, так и другими близкими им по смыслу или семантически идентичными терминами: *бхога*, *упабхога*, *самбхога*, реже *парибхога* заменяют *бхукти*; *ликхита* — *паттру* и наоборот. Такая замена вне схемы *праманов*, в которой за каждым из них был закреплён строго определенный термин, на практике происходила довольно часто. В первую очередь это относится к *праману* «пользование».

Ю. Йолли в своих переводах *шастр* (например, «Нарады» и «Брихаспати» в XXXIII томе серии «Священные книги Востока») термин *бхога* переводит то как «владение», то как «пользование». За эту непоследовательность его упрекал Б. Брелер, полагая, что в эти два близкие по смыслу понятия тем не менее вкладывается разное содержание: владение есть фактическая власть над вещью, пользование — ее потребление, извлечение из вещи ее полезных свойств; пользование подразумевает владение, но владение отнюдь не подразумевает пользование⁷.

Вероятно, подобная постановка вопроса: *бхога* — либо владение, либо пользование — была бы неправомерна. На самом деле требуется иная расстановка акцентов: *бхога*, безусловно, владение, но сопровождающееся пользованием. И такая расстановка акцентов была сделана самими индийскими юристами. Например, в случае с депозитом, который Б. Брелер считал образцом владения без пользования: если депозит начинал использоваться, то в источниках это обозначалось как *бхога*.

В *шастрах* и комментариях практически не засвидетельствовано употребление термина *бхога* в значении «владение без пользования», но крайне немногочисленные случаи употребления этого термина именно в таком значении должны приучить к осторожности при переводе. Например, подзаголовок *бхогах саптавидхах* в главе «Бхукти» первой книги «Брихаспати» нужно понимать в значении «владение семи видов», ибо здесь имеются в виду законные способы приобретения власти над имуществом.

По-видимому, в практике индийских имущественных отношений отрезок времени между «овладением» вещью и ее использованием был крайне незначительным и в подавляющем большинстве случаев отсутствовал. Под «овладением» мы подразумеваем, если можно так выразиться, атрибутивное право владения, т. е. опосредованное установлением права собственности на имущество. Это право владения возникало одновременно с правом собствен-

⁷ Вгелог, ук. соч., стр. 36 сл.

ности (купля, получение дара и пр.). Есть право владения, не опосредованное правом собственности. Было бы ошибкой думать, что владение без пользования (каковым может быть только атрибутивное владение) в индийском праве в принципе отсутствовало. Случаи из практики имущественных отношений, зафиксированные в «Ману» VIII.147, «Яджнавалкье» II.24 и в других источниках как раз предполагают, что собственник, овладев вещью, не пользуется ею, т. е. это именно тот случай, когда атрибутивное право владения в наличии, но пользования объектом нет. Не ясно, правда, имеется ли здесь в виду прекращение начатого пользования или оно отсутствовало с самого начала, — вероятно, могло быть по-разному. Другое дело, что в источниках есть прямые указания на то, что атрибутивное владение без пользования могло существовать очень ограниченное время и упразднялось неузаконенным владельцем-пользователем, для которого невозможно было установить право владения на имущество (в данном случае — узаконенное право владения). Если учитывать этот незначительный срок, разделяющий владение атрибутивное и неатрибутивное (т. е. не опосредованное правом собственности) и тот факт, что в источниках он не обсуждается, ни тем более квалифицируется как *бхога*, этот термин можно переводить как «пользование» (исходя при этом из контекста).

Употребляя термин *бхога*, индийские юристы делали акцент прежде всего на факте использования вещи и это казалось им более важным, чем то обстоятельство, что эта вещь находится в чьей-то фактической власти. По-видимому, в соответствии с индийским правом, отражавшим в свою очередь специфические индийские условия, сама власть над вещью могла выражаться прежде всего в ее использовании, а отсутствие такового автоматически сводило на нет эту власть (за некоторыми исключениями).

То, что термин *бхога* обозначает прежде всего «пользование» в контексте «владение — пользование», подтверждается следующими примерами. В «Артхашастре» VII.II.17 говорится: «(Если иметь в виду) *бхогу* водным и сухим путем, *бхога* водным путем непостоянна, *бхога* сухим путем постоянна». Поясним, что здесь составитель «Артхашастры» разъясняет, какую именно выгоду могут принести царю рудники, леса, торговые пути и каким из них следует отдать предпочтение. Совершенно ясно, что под *бхогой* здесь понимается пользование. Правда, этот пример — не из юридического контекста, однако мы можем привести другие: Апарарка в комментарии на «Яджнавалкью» II.27 говорит, что пользование (*бхога*) плодами собственником рассматривается как *бхога*. Подразумевается явно потребление плодов, а не просто обладание ими. Словосочетание *пхалабхога* в паstraх всегда — использование, потребление полученных плодов. Рагхавананда в комментарии на «Ману» VIII.143 пишет, что если в залог отданы поле, корова, раб и прочее имущество, то, поскольку они приносят прибыль (а отданы они с целью *бхоги*), *бхога* в этом случае есть *срддхи*, т. е. процент. Здесь мы встречаемся с разновидностью залога *бхогья*, т. е. залога, предназначенного для использования (в отличие от *гопья*, предназначенного для хранения). При нем процент на ссуду, под обеспечение которой был передан кредитору залог, не начислялся на основной капитал, а погашался в процессе пользования залогом. Очевидно, что *бхога* в данном случае не могла означать владение, не связанное с использованием, поскольку *бхога*-«владение» не заменила бы ростовщический процент (ср. «Артхашастру» III.12.15). Далее Куллука в комментарии на «Ману» VIII.144 упоминает «...некий залог, который благодаря *бхоге* приведен в негодное состояние...». Очевидно, здесь имеется в виду его использование. Вишварупа в комментарии на «Яджнавалкью» II.25 подчеркивает: «Коль скоро есть залог, осуществляется его *бхога*».

Так как сам залог есть владение как юридическая категория, то в подобном контексте получается следующий смысл: поскольку есть залог (владение), постольку осуществляется его владение (?). В комментарии Виджнянешвары на «Яджнавалкью» II.24 говорится, что из-за *унабхоги* в течение 20 лет пропадает право собственности у законного собственника. Здесь имеется в виду случай, когда кто-то занимается использованием (*унабхогой*) чужого земельного участка, в то время как законный собственник участка этим фактом пренебрегает. Каким образом вообще человек, отторгнувший объект у законного собственника, мог установить в начале факт своего владения, а затем и собственности на объект, на основании чего можно считать, что объект отторгнут? Только в том случае, если началось его использование.

Но если мы в своей работе, принимая во внимание этот акцент, переводим, где считаем необходимым, термин *бхога* как «пользование», мы ни в коем случае не отрицаем самого факта обладания вещью, без которого невозможен и сам факт пользования.

Приведенными выше примерами отнюдь не доказывается, что термин *бхога* всегда следует переводить в значении «пользование». Просто в тех случаях, когда этот термин можно было бы по контексту трактовать как «владение без пользования», обнаруживается иной смысл — «владение с использованием»⁸.

По-видимому, непоследовательность Ю. Йолли в переводах термина *бхога* объясняется и недостаточным вниманием к системе *праманов*, в которой вместо «владения» в качестве одного из *праманов* названо «пользование». А между тем этой системой — своего рода мерилom — индийцы пользовались при определении большей или меньшей валидности земельного держания. Она служила конкретным целям разрешения споров по поводу имущества, в частности тяжб по поводу земли.

5. Способы выражения *агама* в юридических текстах

Как правило, термин *агама* достаточно редко выступает в своем полном значении, т. е. как передающий совокупность двух или большего числа *праманов*. Чаще он заменяется эквивалентами, передающими тот же смысл. Обычно в качестве такого заместителя выступает один из *праманов* — либо документ (в большинстве случаев), либо свидетели.

Первым способом подмены *агама* *праманом* является завуалированное их чередование, когда лишь на основе логических рассуждений можно сделать вывод, что *агама* здесь — тот или иной *праман*. Так, если в тексте говорится, что пользование лишено законности, очевидно, что упомянутая там же *агама*, благодаря которой пользование станет законным, подразумевает *праман*. Следовательно, термин *агама* имеет здесь более узкое значение. Например, в «Нараде» I.77 сказано: «Что используется без *агама*, это пользование не продолжается (далее)». Или в этой же шастре в другом месте указывается: «С чистой *агамой* пользование достигает авторитетности...» (I.85). Такая же замена содержится в комментарии Апарарки на «Яджнавалкью» II.27.

Вторым способом выражения *агама* является непосредственное объяснение ее как *прамана* без уточнения, какой именно *праман* имеется в виду. Пример этого встречается в комментарии Рагхаванаиды на «Ману» VIII.147: «С помощью *агама*, т. е. *прамана*, пользование достигает чистоты, так сказано Катьяяной». Так же объясняют *агаму* Куллука в комментарии на «Ману» VIII.200, Бхавасвамин в комментариях на «Нараду» I.75 и I.77.

⁸ Ср. «Римское частное право», М., 1948, стр. 168.

Третьим способом выражения *агамы* является прямая констатация того, что *агама* — это определенный *праман*. Так, Апарарка в комментарии на «Яджнавалкью» II.27 пишет: «...*Агама* — (это) правильно определенный *праман* — свидетель и прочий». Такого же мнения придерживаются другие комментаторы. Сарваджнанараяна в комментарии на «Ману» VIII.200, Бхавасвамин в комментарии на «Нараду» 1.76, Рамачандра в комментарии на «Ману» VIII.200 в качестве примера *агамы* называют прежде всего документ.

Объяснить такую замену можно, приняв во внимание важность законности пользования, которая обеспечивалась наличием двух первых *праманов* — документа и свидетелей (особенно — первого), тем более, что свидетельские показания, подтверждавшие законность приобретенного права собственности, были в нем зарегистрированы. Имея в своем распоряжении *праманы* — гаранты такой законности — собственник должен был пользоваться своим земельным участком и другим имуществом. Целый ряд факторов, начиная с психологии индийца и кончая потребностями государства и общины, восставал против забрасывания земли. На собственника налагались санкции администрации, если он забрасывал поле (см. «Артхашастру» III.10.8). При забрасывании земли он мог ее в конце концов потерять. С другой стороны, одно пользование могло стать *праманом* при наличии ряда обстоятельств по прохождении определенного времени. Однако поскольку совокупность всех этих условий была труднодостижима, превращение пользования в *праман* становилось проблематичным. Это затрудняло достижение *агамы*. Наконец, как уже отмечалось, пользование как таковое не было *праманом* без сочетания с документом или свидетелями, а только эти последние, в отличие от самого пользования, удостоверяли его законность. Эти и ранее перечисленные моменты объясняют, почему в иерархии *праманов* именно документ и свидетели были поставлены на первое место и почему именно документ в индийском праве часто расценивался как эквивалент *агамы* — совокупности *праманов*.

Хотя свидетель как *праман* в системе «юридических авторитетов» уступал документу, истолкование комментаторами *агамы* (*агама* — документ, свидетели) не случайно. Свидетель был гибким юридическим аргументом и, конечно, мог охватить более широкий круг случаев юридической практики, чем документ. «Чистая *агама*», упоминаемая в комментариях, кроме документа подразумевает также и свидетелей. Свидетели были *праманом*, образующим *агаму*, при заключении сделки, объектом которой была движимость.

6. Агама и сватва

Как известно, термины *сватва*, *свамья*, *свамибхава* и другие производные от прономена *свам* термины служат в древнеиндийском праве для выражения права собственности. Интересно проследить, как соотносятся эти понятия с *агамой* и можно ли вообще считать понятия *агама* и *сватва* равнозначными.

Из комментаторской литературы выясняется, что эти два понятия были близки по смыслу, но имели свою специфику, не покрывая друг друга. Виджнанешвара в комментарии на «Яджнавалкью» II.27 отмечает, что *агама* — основа *сватвы*. Медхатитхи в комментарии на «Ману» VIII.200 говорит, что *агама* влечет за собой *свамью* (аналогично мнению Апарарки в комментарии на «Яджнавалкью» II.27; в этом комментарии Апарарка также добавляет, что *агама* делает *свамйту* отличной от пользования). Но комментаторы не толкуют *агаму* как *сватву* или наоборот. По поводу

соотношения двух понятий, обозначающих право собственности, некоторые соображения будут высказаны в разделе «Теория собственности в „Артхашастре“». Пока можно заметить следующее: *сватва* — нечто производное от *агама*, ее абстрактное выражение. Под «производностью» мы имеем в виду, конечно, юридическую, а не историческую «первичность» или «вторичность». Сама постановка вопроса, какой была историческая преемственность понятий *агама* и *сватва*, видимо, была бы неправомерной. Но с точки зрения юридической «первичности» или «вторичности» в индийском праве безусловно «первичной» была *агама*, а *сватва* была «вторичной». Говоря, что у такого-то человека есть *сватва*, индиец придавал сказанному один оттенок, констатируя лишь, что у того есть право собственности на какое-то имущество. Понятие *агама*, напротив, конкретно. Сказав, что у такого-то человека есть *агама*, некто подразумевал, что у него есть совокупность определенных *праманов*, предъявление которых в суде обосновывает его *сватву*.

Тексты *шастр* специфичны. Мы не знаем, существовало ли такое размежевание помимо юридического контекста. Возможно, вне судебных разбирательств *агама* как понятие была менее распространена, чем *сватва*, или же необходимость соблюдения и сохранения *праманов* в повседневной жизни, о чем часто говорится в источниках, требовала обращать внимание и на эту сторону медали, оборотом которой была в этом случае *сватва*, служившая для повседневного, не юридического выражения права собственности.

Отчасти факт существования в индийском праве двух понятий, имевших близкое по смыслу значение и передававших понятие «право собственности», можно объяснить функционально, о чем речь пойдет в следующем разделе. Не будет, во всяком случае, ошибкой сказать, что *агама* — то же право собственности, не забывая о том специфическом содержании, которое вкладывали юристы древней Индии в это понятие.

7. Корни *агама*

Здесь мы попытаемся заглянуть в прошлое *агама*, когда как плод системы *праманов* она еще не конституировалась, не приняла законченного вида. Сделать этот экскурс в прошлое теории собственности возможно по следующей причине: кроме замены *агама* *праманом*, примеры чего уже приводились, в комментариях есть иная система заместителей *агама*, которая строится по другому принципу. Например, по словам Медхатитхи в комментарии на «Ману» VIII.200 «...имеет силу наследование, получение (дара) и прочая *агама*». Так же говорит Рагхавананда в комментарии на эту шлоку: «*Агама* — (это) приобретение (дара), купля и прочее». Или Виджнянешвара в комментарии на «Яджнавалкью» II.27 указывает: «Основа права собственности — (это) получение (дара), купля и прочая *агама*» (отметим, что Апарарка следует Виджнянешваре). Случаи такого комментирования *агама* встречаются достаточно часто.

Следовательно, толкования комментаторов *агама* можно разделить на две категории: это либо замена термина *агама* термином *праман*, либо объяснение *агама* как купли, получения дара, реже — наследования. Соответственно *агама* выступает в двух видах: как плод сложившейся системы *праманов* и, по-видимому, как рецидив более древних представлений о ней как о законном получении имущества в собственность (в пользу этого говорит и этимология термина *агама*). Не случайно в подавляющем большинстве случаев комментаторы определяют *агаму* как куплю и получение имущества в дар, т. е. как акты, в законченной форме предполагающие утрату и одновременное установление права собственности

на имущество, ставшее объектом сделки. Поэтому до того как понятие *агама* приняло законченный вид, а свидетельские показания и документ нашли свое выражение в системе трехчленного *прамана*, *агама* имела иное значение, выражалась в получении имущества на законном основании (см. ниже). Мы можем привести примеры употребления термина *агама* в таком значении. Так, «Ману» X.115 говорит: «Существует семь законных способов (*агам.* — А. С.) приобретения имущества: наследование, получение, купля, завоевание, ростовщичество, исполнение работы и получение (милостыни) от добродетельных» (некоторые из этих способов были общими для всех варн, другие были присущими одной из них; ср. «Брихаспати» VII.1—13; см. также комментарий Бхаручина на «Ману» VIII.498). В других местах «Ману» соответственно указывается: «Ни вследствие дружбы или вследствие приобретения большого богатства, царь пусть не отпускает (на волю) насильников, наводящих страх на все живые существа» (VIII.347); «Где царь избегает присвоения имущества преступников, там со временем рождаются люди, живущие долго» (IX.246). Здесь и в «Брихаспати» VII.13 дается первичное значение термина *агама* — «присвоение», «приобретение» (ср. истолкование термина *агама* Виджнянешварой в комментарии на «Яджнавалкью» II.92 и Асахией в комментарии на «Нараду» I.144).

Следует привести пример двойственного по смыслу употребления термина *агама* в «Яджнавалкью» II.28 — редкого и потому ценного. Составитель шастры говорит: «Кем сделана *агама*, он, будучи обвиненным, пусть докажет эту (*агаму*)...». В комментарии на эту шлоку Виджнянешвара пишет: «(Если) каким-либо человеком сделана *агама* земли и прочего (имущества), т. е. приобретение в собственность, этот человек (на вопрос) — откуда у тебя поле и прочее? — будучи таким образом обвиненным, пусть докажет эту *агаму*, т. е. получение (дара) и прочее с помощью документа и других (праманов)...». Очевидно, что «сделанная *агама*» — сделка по приобретению имущества в собственность. Выражение «пусть докажет *агаму*» вопреки мысли комментатора, что *агама* — получение дара и так далее, конечно, имеет в виду доказательство *агамы* как совокупности *праманов*, поскольку иным образом невозможно доказать законность сделанного приобретения.

8. Теория собственности в «Артхашастре»⁹

Теория собственности в том виде, в каком она представлена в «Артхашастре», имеет свою специфику, выражающуюся, в частности, в терминологии. Поэтому на ней следует остановиться отдельно.

Первый случай употребления термина *агама* в интересующем нас контексте «Артхашастры» был отмечен Р. П. Кангле в глоссарии к первой части критического издания памятника (КА IV.6.7—9). Перевод этого текста на русский язык в издании «Артхашастры» 1959 г. неточен, предлагаем свой вариант: «Если (судья) обнаружит то, о чем сообщено, задержанного (на основании таких-то) признаков он пусть спросит об *агаме*: „Откуда ты получил (это)?“. Если тот скажет: „(Это) досталось по наследству и т. д., получено от такого-то (лица), куплено, изготовлено на заказ, (объявилось), будучи скрыто (как) залог, таковы место и время (его) получения, таковы его цена, размеры, признаки и стоимость“ — (в случае) подтверждения его *агамы* он освободится. Если потерявший

⁹ Работа над юридическими текстами «Артхашастры» была проделана автором совместно с А. А. Вигасиным.

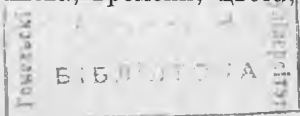
вещь) даст такие же (сведения), то тому, у кого (из них более) ранее и долгое пользование (*диргханарибхога*) или честное свидетельство (*шучирдеша*), (принадлежит) вещь,— следует знать».

По русскому переводу нужно сделать следующие замечания. Во-первых, вместо «досталось по наследству от такого-то лица» следует читать «досталось по наследству и получено (видимо, в дар. — А. С.) от такого-то лица». В издании оригинального текста Р. П. Кангле логические ударения расставлены именно таким образом. Во-вторых, следует читать «(объяснилось), будучи скрыто (как) залог, а не «сберегался, будучи отданным в залог». Полагаем, что причастие *праччханна* должно показывать не то, что имущество сберегается, будучи отдано в залог, а то, что, находясь на сохранении (а здесь, безусловно, имеется в виду залог *гонья*, т. е. предназначенный для хранения, а не *бхогья*, предназначенный для пользования), оно было «спрятано», «скрыто» от глаз заинтересованных лиц, и о нем ничего не было известно (в пользу такого толкования свидетельствует и значение, которое получает термин *праччханна* в КА IV.1.54—55. Вишварупа в комментарии на «Яджнавалкью» II.168 в качестве синонима *праччханна* употребляет термин *рахах* — «тайне»).

Термин *агама* употреблен в данном отрывке дважды в значении «источник законного приобретения». Русский перевод здесь близко передает смысл — «происхождение», если только переводчик не подразумевал время и место. Во втором случае перевод неверен. Поскольку фраза *tasyāgamasamādhau* имеет значение «при подтверждении его (т. е. данного человека. — А. С.) *агамы*», в свете того, что нам известно об *агаме*, вариант перевода «происхождение» кажется все же не совсем точным. В суде интересуются не самим фактом приобретения вещи — он налицо, как и объект сделки, а законностью этого приобретения. А ниже перечисляются случаи, когда вещь находится в законном держании: в результате наследования, вероятно — дарения, купли, изготовления на заказ и так далее. Подобные *агамы* оправдывают подозреваемого.

Хотелось бы сказать еще несколько слов о залоговых отношениях. Наследование, дарение, купля — все это случаи установления *агамы*, т. е. частной собственности на имущество со всеми вытекающими отсюда последствиями. *Адхи* — залог — одно из этих следствий, он вторичен по отношению к *агаме*, так как возможен лишь при наличии права собственности залогодателя на закладываемую вещь. В силу договорных отношений должника и кредитора последний приобретает право владения залогом, в то время как право собственности остается за залогодателем-должником. Закладывание возможно исключительно потому, что в залоговых отношениях присутствует *агама*. У залогодержателя *агамы* нет, и при первой же попытке присвоить вещь, т. е. распорядиться ею на основе тех прав, которыми он не располагает, залогодержатель объявляется вором и похитителем залога. Но из-за того, что в приведенном выше отрывке купля, наследование и так далее рассматриваются не как случаи установления *агамы* — права собственности на имущество, а как примеры законного держания имущества, что оправдывает держателя в суде, и в числе таких примеров названа *адхана*, т. е. закладывание.

Что касается термина *праман*, употребленного в том же отрывке «Артахашастры», то контекст не позволяет считать, что он означает здесь «законный авторитет». Его окружают термины, передающие признаки вещи, по поводу которой ведется тяжба. *Праман* здесь, скорее всего, — размеры вещи, тем более, что определенная аналогия есть в «Ману» VIII. 31—32: «Кто скажет: „Это мое“, того следует опросить, согласно правилу. Сообщив вид, число и так далее, собственник получает право на это имущество. Не знающий места, времени, цвета, формы и размера утерянного

заслуживает штрафа, равного (по величине стоимости) этого (имущества)». Бхаручин в комментарии на «Ману» VIII.31 подчеркивает, что передача имущества собственнику происходит «при имеющемся объявлении доказательства права собственности», а в комментарии на следующую шлоку пишет, что «цвет — белый и прочий, *рупа* — (это) внешний вид и так далее, *праман* — (это) *паримана* (т. е. размер.— А. С.)».

Контекст приведенного места «Артхашастры» подтверждает предположение, что *агама* и *праманы* имели значение и при приобретении в собственность движимости.

Второй случай употребления термина *агама* в том же значении, что и в КА IV.6.7—9, встречается в КА III.12.51: «И пусть (судья) исследует его *агаму* на используемое имущество и его показания о приобретении того имущества и достоверность (претензий) на вещь обвинителя (или „способность обвинителя (приобрести) вещь“.— А. С.)». При чтении «способность обвинителя (приобрести) вещь» можно предположить, что здесь имеется в виду общественное положение человека. Оно имело значение также при находке клада, о чем пишет Куллука в комментарии на «Ману» VIII.35: «(Если) какой-либо человек сам достал клад или клад приобретен посредством другого (и этот человек) говорит: „Это мой клад“, и в соответствии с истиной, т. е. *праманом*, устанавливаются отношения собственности, пусть царь, приняв во внимание отсутствие или наличие (общественного) достоинства у этого человека, затем возьмет шестую или двенадцатую часть клада. Остаток (его) пусть передаст его (собственнику)» (см. также комментарии Куллуки на «Ману» VIII. 33 и Бхаручина на «Ману» VIII.33).

Выше уже говорилось, что термин *агама* в интересующем нас контексте имеет в «Артхашастре» значение «источник законного приобретения», безотносительно к тому, имеется в виду приобретение в собственность или приобретение во владение. Соответственно, этот термин отражает здесь более ранний период складывания теории собственности, чем зафиксированный в поздних шастрах в виде системы *агама—праманы*. Ретроспективно он соответствует тому периоду истории индийского общества и складывания древнеиндийского права, для которого было характерно неразличение понятий «собственность» и «владение». Однако это представление переносится в «Артхашастре» на почву более поздних представлений об *агаме* как законном приобретении имущества в собственность. Коль скоро в тексте КА IV.6.7—9 перечисляются как приобретение в собственность, так и приобретение во владение.

Таким образом, понятие *агама*, зафиксированное в «Артхашастре», неадекватно таковому в поздних шастрах. Эквивалентом *агамы* дхармашастр, выраженной через посредство системы *праманов*, в «Артхашастре» является понятие *свакарана*, которое этимологически расшифровывается как «доказательство собственности». В этой связи хотелось бы привести два показательных случая его употребления. Так, в КА III.1.15 говорится: «Имеют законную силу все юридические действия, время и место (совершения которых) соответствуют категории (данных контрагентов, при наличии) доказательства собственности (т. е. совершаемые человеком, правомочным заключать сделки.— А. С.), полной дееспособности, при безупречном свидетельстве (*шуддхадеша*) (и) определенных виде, признаках, размере (и) качестве (объекта сделки)». Скорее всего, *свакарана* здесь ассоциируется с документом, однако, вероятно, включает в себя и свидетельские показания. В КА III.16.17—18 соответственно указывается: «И (настоящий) собственник потерянного (имущества), приведя доказательство собственности, получит потерянное, (а ныне) обнаруженное (имущество). При отсутствии доказательства собственности (следует)

штраф (в размере) одной пятой возмещения». *Свакарана* упоминается также в КА II.36.7; IV.1.54—55; IV.2.1.

Употребление термина *свакарана* в КА III.16.17—18 в том же контексте, что и термина *агама* в КА III.12.51 и IV.6.7, позволяет сделать вывод, что и между ними есть определенная близость. Но есть и существенное различие. Для того, чтобы выяснить его суть, следует разобраться в системе юридической аргументации «Артхашастры» и прежде всего установить значение термина *деша*. Этот термин встречался в уже цитированном тексте КА III.1.15. Здесь *деша* — один из необходимых компонентов законного юридического действия. Все перечисленные в тексте компоненты относятся к одной объектно-правовой ситуации, прежде всего — к сделке. Термин *деша* засвидетельствован также в КА III.16.29, где говорится, что продолжительность пользования ведет к тому, что *деша* (т. е. доказательство собственности. — А. С.) на имущество, ставшее объектом пользования, утрачиваются — имеется в виду давность пользования. Но особенно важным для интерпретации понятия *деша* является текст КА IV.6.9: «Если потерявший (вещь) даст такие же (сведения), то тому, у кого (из них более) раннее пользование (вещью) или честное свидетельство (*шучирдеша*), (принадлежит) вещь — следует знать». Из этого отрывка видно, что законность *агама*-сделки доказывается в суде двояко: либо с помощью «честного свидетельства» («безупречного свидетельства» в КА III.1.15), либо с помощью «долговременного пользования». Содержание главы КА III.1 и параллельные тексты в дхармашастрах и комментариях доказывают: *шучир/шуддхадеша* в «Артхашастре» — определенный аналог *шуддхагама* в дхармашастрах и комментаторской литературе. *Деша*, следовательно, юридический аргумент — чаще в виде документа, реже — в виде свидетельских показаний — тот же *праман* дхармашастр. То, что *деша* в «Артхашастре» — прежде всего письменное свидетельство, доказывается значением, которое получает этот термин в КА III.1.19 — в описании процессуальной процедуры. Поскольку содержание главы КА III.1 имеет в виду не только имущественные отношения и поскольку искомое право, описываемое в данной главе, подразумевает также случаи юридической практики, которые связаны с совершением разного рода уголовных преступлений (например, насилий и т. д.), становится ясным, что понятие *деша* в «Артхашастре» — аргумент, который применяется в искомом праве безотносительно к тому, что является предметом иска. Поэтому *деша* — свидетельские показания — были основным юридическим аргументом не только в тяжбах по поводу движимости, но и во всех тяжбах, которые велись в случае разного рода правонарушений, например, при оскорблениях словом, действием, грабеже, краже и т. д. (см. 1—2 раздела нашей работы).

Итак, законность *агама*-сделки в «Артхашастре» может быть доказана посредством *деша* — юридического аргумента в виде документа или свидетельских показаний (естественно, «чистых», т. е. документ должен быть оформлен в соответствии с существующими правилами, а свидетельское показание должно отвечать предъявляемым к нему требованиям) или посредством «долговременного пользования» (*чира/диргахбога*). Однако, поскольку в число сделок, характеризующих *агаму*, в КА IV.6.7 включены *адхана* — закладывание и *края* — купля, *пратиграха* — получение дара, *деша* может пониматься либо как *свакарана* (для купли-продажи и получения дара), т. е. как доказательство собственности, либо, например, как *адхилекхья* — закладная (для закладывания) при доказательстве права владения объектом тяжбы. Очевидно, что этот вывод верен и для КА III.1.

Итак, резюмируем: *агама*-сделка с имуществом, согласно правовым

представлениям «Артхашастры», может быть аргументирована в суде с помощью юридического аргумента *деша*, т. е. прежде всего с помощью документа, либо с помощью «долговременного пользования». В свою очередь *деша* может быть либо *свакараной* — доказательством права собственности, либо, например, *адхилекья*, т. е. доказательством права владения. Тот факт, что в КА III.1.15 *свакарана* и *шуддхадеша* предстают как бы двумя разными понятиями, объясняется тем, что в данном случае имеется в виду функциональное раздвоение того же документа: *свакарана* — законным образом составленный документ, который позволяет собственнику заключить сделку, т. е. оторгнуть объект, права на который зафиксированы в документе; *шуддхадеша* — законным образом оформленная сделка, т. е. документ или свидетели, фиксирующие сделку. Таким образом, *свакарана* и *шуддхадеша* — функциональное отражение одного юридического аргумента, например документа, в двух объектно-правовых ситуациях. *Деша* автоматически становится *свакараной* (ибо *свакарана* — одна из альтернатив *деши*), а *свакарана* может стать *дешой* (например при предъявлении в суде).

Выше мы подчеркивали, что *шучир/шуддхадеша* в «Артхашастре» — определенный аналог *шуддхагама* в дхармашастрах и комментариях. Вместе с тем мы указывали, что *шуддхагама* — аналог *свакараны* в «Артхашастре», следовательно, она должна иметь более узкий смысл, чем *шучир/шуддхадеша*. В пользу сопоставления *агама* и *деши* говорит параллельный текст «Яджнавалкьи» II.175 и комментарий Вишварупы на эту шлоку. В тексте шастры говорится, что похищенное имущество можно вернуть либо с помощью *агама*, либо с помощью пользования. Комментатор уточняет: *агама* — документ и прочий юридический аргумент, пользование — публичное, беспрепятственное и долговременное (примечательно, что в КА IV.6.7—9 тоже имеется в виду возвращение пропавшего имущества — контексты совпадают). Составитель шастры и комментатор, хотя и дифференцируют «настоящую *агаму*» и публичное пользование, тем не менее рассматривают последнее в качестве доказательства, равноценного *агаме*, когда речь заходит о возвращении пропавшего имущества. В шлоке «Яджнавалкьи» II.175 *бхога*, конечно, аналог выражения *диргхапарибхога* в КА IV.6.9, а *агама* — *шучирдеша*. Отсюда, к слову сказать, следует, что эта *агама* не равноценна *агаме* КА IV.6.7 — это не сделка, а юридический аргумент. Но так как исследование дхармашастр и комментаторской литературы доказывает, что *агама*, выраженная через систему трехчленного *прамана*, является доказательством права собственности, а не права владения, логически вытекает, что эта *агама* является эквивалентом *свакараны*, выраженной юридическим аргументом — *деша*. Здесь примечательно, в частности, выражение «чистая *свакарана*» (КА IV.2.1), которое ассоциируется с выражением «чистая *агама*» в комментариях Говиндараджи на «Ману» VIII.200 и Вишварупы на «Яджнавалкью» II.29.

Несколько слов о соотношении *свакараны* и *свамьи* в «Артхашастре». В «Артхашастре» *свакарана*, совершенно очевидно, — не *свамья* (термин *свамья* встречается в шастре неоднократно), так как само выражение *свакарана*, как уже отмечалось выше, этимологически расшифровывается единственным образом — «доказательство *сва/свамьи*». Так же Бхаручин в своем комментарии на «Ману» VIII.31, подразумевая *агаму*, называет ее *свамитсвакарана* — «доказательство *свамитвы*». И действительно, сама по себе *свамья* (или *сватва*, *свамитва*) не является аргументом законности права собственности. В той же «Артхашастре» указывается, что *свамин* — собственник — может быть и незаконным, т. е. не иметь законных прав на имущество (см., например, КА III.16.10—22). Доказательством

свамья, как уже было показано, является *агама*, тогда как *свамья*, лишенная всякого конкретного содержания, взятая отдельно от *агамы*, — если позволительно такое допущение — не может быть доказательством права собственности. Аргументом в пользу этого мы считаем и тот факт, что в *шастрах* полностью отсутствует выражение «чистая *свамья*» (в отличие от *агамы*). Это естественно, поскольку *агама* состоит из *праманов*, которые, если прибегнуть к языку индийских юристов, могли быть и «нечистыми», «слабыми» или вовсе незаконными. Поэтому законной или незаконной может быть только *агама*, а не *свамья*. Последняя наличествует или отсутствует, и этим ее характеристика, с точки зрения права, ее юридическое содержание полностью исчерпывается. Не случайно само понятие *свамья*, в сущности, не исследуется ни в *шастрах*, ни в комментариях к *шастрам*. Но в теории собственно *свамья* обычно передается в непосредственной связи с *агамой*: она доказывается *агамой*, «следует» за ней.

Еще одно существенное различие между *агамой* и *сватвой*: в момент перехода имущества от одного собственника к другому *сватва* первого переходила на второго. Но *агама*, например, продавца отнюдь не переходила на покупателя — она утрачивалась раз и навсегда. Невозможно обнаружить две одинаковые *агамы* — они всегда различны. лишены абстракции *сватвы*. Только казалось, что «новая» *агама* покупателя включала в себя те же компоненты-*праманы*, что и «старая» — документ, свидетелей и пользование. В действительности это были уже иные документ, свидетели и пользование.

С другой стороны, *агама* — плод теории собственности, и в юриспруденции древней Индии она фигурировала не как именно *агама*, а как свидетельские показания, документ и т. д. (с этим же связана частая замена *агамы* одним из *праманов* в комментариях), т. е. в контексте права практического, а не теоретического.

Терминологический анализ «Артхашастры» позволяет также сделать вывод, что *праман* как элемент системы трехчленного *прамана* в ней не засвидетельствован. Обычно он фигурирует как обособленный «авторитет» применительно к какому-нибудь случаю юридической практики. Иногда термин *праман* выражает в некой абстрактной форме «авторитетность» в контексте не-юридическом и стоит вне всякой связи с «авторитетностью» обособленного *прамана* (см., например, КА III.2.10 или IV.1.2). Объясняется это, видимо, следующей причиной: «Артхашастра» помимо всего прочего отличается от дхармашастр тем, что в ней представлена почти исключительно юриспруденция, тогда как в дхармашастрах, кроме юриспруденции, представлена теория права. Однако кажется совершенно естественным, что и в «Артхашастре» термин *праман* встречается в значении «законный авторитет» (но вне системы *праманов* и наряду с термином *деша*), поскольку некоторые юридические прецеденты можно рассматривать, лишь оперируя понятием *праман*. В этом смысле полное отсутствие в «Артхашастре» упоминаний о *праманах* было бы чрезвычайно странным.

В качестве примера употребления в «Артхашастре» термина *праман* в значении «законный авторитет» можно назвать КА III.11. 25—26: «(Если обвиняемый) признался, (это) — лучше всего. Но (если) не признался, *праманом* являются свидетели, заслуживающие доверия, честные или признанные (всеми, и их должно быть) не меньше трех»; другой пример (КА III.19.19—21): «Первым пришедший (в суд в случае) драки выигрывает (дело), ибо (первым) прибегает тот, кто не в состоянии терпеть», — таково мнение учителей. «Нет», — считает Каутилья. Для пришедшего первым или позже *праманом* являются свидетели, (а) в отсутствие свидетелей (имеют значение следы) побоев или признаки, предшествовавшие драке».

Ни к документу, ни к пользованию в «Артхашастре» термин *праман* не применяется, хотя подразумевается, что они могут быть юридическими аргументами.

Нужно также заметить, что по природе своей «Артхашастра» принадлежит к совершенно иному типу литературы, чем дхармашастры. Одно из проявлений этого следует видеть в том факте, что составители «Артхашастры» не занимаются истолкованием и разъяснением того, что кажется им общеизвестным. С точки зрения составителей «Артхашастры», текст шастры ясен и должен приниматься как таковой. Поэтому, если составитель «Нарады» в целом ряде случаев, по своему характеру однотипных, описывает функции *прамана* и его действие, (например в свидетельских показаниях), то «Артхашастра», напротив, скупо поясняя механизм действия тех же свидетельских показаний, не всегда выделяет свидетеля в данной юридической ситуации как *праман* и применяет к нему сам термин *праман*.

* * *

Теперь можно сделать несколько замечаний общего характера, имеющих целью показать, как с инкорпорацией *въвахары*, т. е. вопросов права, в дхармашастрах все полнее выступают различные аспекты теории собственности. Впрочем, надо полагать, некоторые из них так и не были представлены полностью в дхармашастрах и комментариях. Для реконструкции теории *агамы* предстоит еще решить ряд вопросов как методического, так и источниковедческого, частного характера.

Первое в дхармашастрах упоминание *агамы* встречается в «Ману» VIII.200, где она характеризуется как основа законного пользования имуществом. Это указание — единственное в «Ману», не считая некоторых косвенных свидетельств (например, определения *агамы* как законного способа приобретения имущества — X.115).

«Яджнавалкья» содержит более целостную картину представлений как об *агаме* и иерархии *праманов*, так и о ее выражении в практике имущественных отношений (юриспруденция *агамы*) — эти вопросы освещаются, в основном, в двадцатых шлоках второй книги дхармашастры. В «Яджнавалкье» различается двойственная природа *прамана* «пользование» — низшего в системе *праманов* и весьма важного на практике.

Наиболее полное и последовательное описание теории собственности содержится в «Нараде». В шестидесятых-восьмидесятых шлоках этой дхармашастры сообщаются логически связанные данные, относящиеся к собственно теории *агамы* и характеризующие ее юриспруденцию. Если в «Яджнавалкье» двойственность *прамана* «пользование» выражена не столь отчетливо, то в «Нараде» говорится об этом вполне определенно. В ней указывается, во-первых, что *праманы* являются основой приобретения имущества в собственности, а их отсутствие означает и отсутствие права собственности на объект пользования, во-вторых, разъясняется соразмерная сила *праманов*, в-третьих, показано, на какой срок рассчитано действие каждого *прамана*.

«Брихаспати» к этому добавляет подробное описание применения *праманов* в различных правовых ситуациях, главным образом при тяжбах (см. IV—VII главы). Но следует иметь в виду, что подобную картину мы застаем в дхармашастре, дошедшей до нас в виде цитат, т. е. в дхармашастре реконструированной, в тексте которой есть значительные лакуны. Многие повторы в тексте шастры заставляют усомниться в принадлежности всех текстов, включенных в издание шастры К. В. Рангасвами Айянгаром, действительно существовавшей дхармашастре. Многие из этих текстов определенно взяты из других дхармашастр, например из

«Нарады». Какой была действительная правовая структура «Брихаспати», сейчас сказать невозможно. В дошедшей до нас дхармашастре есть разделы, толкующие юридические доказательства, т. е. *прамань*: так в IV главе говорится о «силе и бессилии *праманов*» и описывается ход юридической процедуры в суде, в V — о свидетелях, в VI — о документе, VII — о пользовании, VIII — об ордалиях.

Освещая различные стороны теории собственности, комментаторы дхармашастр цитируют прежде всего авторитетные *смрити*. Так, Виджнянешвара цитирует «Ману», «Нараду», «Брихаспати». Комментаторы «Ману» ссылаются на «Яджнавалкью», «Нараду». Комментаторы часто цитируют не дошедшие до нас шастры, в частности, комментаторы «Яджнавалкьи» — «Хариту», «Вьясу» и другие. Здесь наблюдается следующая закономерность: когда речь заходит о теории собственности как таковой, т. е. об *агаме* и системе *праманов*, комментаторы цитируют чаще всего авторитетные *смрити*. Когда же освещаются те или иные моменты юриспруденции, к которым теория собственности имеет отношение, комментаторы ссылаются на «Брихаспати», «Хариту», «Катьяяну» и другие шастры, дошедшие до нас в виде цитат.

Тот факт, что комментаторы обращаются прежде всего к авторитетным шастрам, понятен — все более древнее считалось, согласно индийской традиции, истинным и не вызывающим сомнения. То, что комментаторы вообще цитируют дхармашастры — в аспекте теории собственности, — объясняется тем, что теория собственности представлена исключительно в дхармашастрах. Но появление ее относится ко временам более древним, чем традиция «Ману» и традиция «Артхашастры». Дело в том, что наличие или отсутствие в ранних и поздних шастрах данных, касающихся, например, отторжения или приобретения земли, в меньшей степени отражают действительный процесс развития земельных отношений, а в большей — эволюцию самой разновидности литературы шастр с ее особенностями и закономерностями. Впервые эту мысль высказал И. Я. Мейер, который писал: «Смрити представляют собой не развитие светского права, а только прогрессирующую инкорпорацию этого возникшего и развивавшегося в другом месте права в брахманские произведения о *дхарме*»¹⁰. От дхармасутр, в частности, было бы странным ожидать подробной разработки концепции собственности, ибо *ашрамно-временной* принцип их построения, доказанный работой А. А. Вигасина и В. Н. Романова, препятствовал внедрению материала *вьявахары* в значительном объеме¹¹. В этой работе показано, что обособление *раджадхармы* (*дхармы* царя) в сутрах типа «Апастамбы» объясняется прежде всего введением в сутру не-дхармического материала. *Раджадхарма* в «Апастамбе» излагается вне *дхармы* варь, в «Ману» она осмыслена как *дхарма* кшатрия; основная часть «Апастамбы» была изложением *дхарм*, общих для всех дваждырожденных, в «Ману» одновременно она стала *дхармой* брахмана. Главной причиной этого явления было развитие в шастрах *раджадхармы*, включая вопросы права. Варновыи композиционный принцип построения «Ману», сменивший *ашрамно-временной*, гораздо больше отвечал инкорпорации не-дхармического материала, т. е. материала *вьявахары*.

Следовательно, поскольку в шастрах вопросы права не развиваются, а инкорпорируются в готовом виде из не-дхармических сочинений (причем процесс насыщения *вьявахарой* идет постепенно, в рамках религиозно-этического брахманского сборника) и подаются они в традиционной вне-

¹⁰ J. J. Meyer, Über das Wesen der altindischen Rechtsschriften und ihr Verhältnis zu einander und zu Kautilya, Lpz, 1927, стр. VI.

¹¹ А. А. Вигасин, В. Н. Романов, Наблюдения над композицией дхармашастр, сб. «Древний Восток и античный мир», вып. II, МГУ (в печати).

временной форме, не приходится говорить о том, что составители дхармашастр разработали более совершенные правовые категории, чем современные составителям дхармасутры. Большая дробность юридической процедуры, чисто техническое, но отнюдь не концептуальное, качественное ее усложнение в поздних шастрах, по сравнению с более ранними, не могут служить показателем того, что во времена составления дхармасутр «Апастамбы» и «Баудхаяны» правовые представления были менее развитыми, чем те, что зафиксированы в «Ману-смрити» или «Яджнавалкья-смрити». Мы акцентируем внимание на сопоставлении права, каким оно было во времена дхармасутр, с правом, представленным непосредственно в дхармашастрах. С другой стороны, очевидно, что с середины I тыс. до н. э. до первых веков н. э., т. е. до времени оформления дхармашастр, как теория права, так и юриспруденция, судопроизводство могли измениться (что, однако, тоже нуждается в доказательстве). Однако напрасными были бы попытки искать и исследовать эту трансформацию права, выстроив в хронологическом порядке известные шастры и сравнивая одну с другой. Если мы увидим отношения собственности в «Нараде» в несравненно более выпуклом виде, чем в «Апастамбе», то причину этого следует искать в пока еще слабо исследованных закономерностях эволюции дхармической литературы, к которым мы относим и постепенное насыщение тематики шастр *вьявахарой*.

Следуя этой концепции, мы считаем возможным заключить, что теория собственности сложилась задолго до того, как была зафиксирована в литературе шастр. По-видимому, исторически сложилось так, что *агама* возникла тогда, когда появилась нужда в законном обосновании *сеатвы* (право собственности) на землю и прочее имущество. Наверное, в древнейшие времена *пра-агама*, если можно так выразиться, представляла собой обычное присвоение. Так, расчистка леса и посев на расчищенной земле были *агамой* — присвоением поля. Позднее, в первой трети I тыс. до н. э., когда, видимо, впервые вырабатывается понятие законности и незаконности владения имуществом, движимостью и недвижимостью, *агама* конституируется именно как «законный титул». Это было связано, возможно, с появлением товарного обращения и с тем обстоятельством, что сделки по приобретению имущества в собственность, — правильное сказать, его присвоению (т. е. когда человек не только ясно сознавал, что эта вещь — его, но от него требовалось это доказать), получают все большее распространение. В пользу этого говорят, во-первых, система заместителей *агамы* — совокупности *праманов* в виде купли, дарения и наследования — законных способов присвоения имущества в собственности (*агам*) и, во-вторых, употребление в шастрах термина *агама* в значениях «присвоение», «получение» имущества. *Агама-купля*, получение дара, наследование и *агама-присвоение*, как нам кажется, должны быть отнесены к весьма древним временам — по крайней мере к тому периоду, когда появились дарение, купля-продажа и наследование. Причем *агама-присвоение*, видимо, еще более древнего происхождения.

В первой трети I тыс. до н. э. *агама* — это законная сделка, «законное приобретение», а первым ее исторически засвидетельствованным *праманом* были свидетели. Не случайно именно показания свидетелей представлены в древнейших индийских источниках как юридическое доказательство. Позднее появляется второй *праман* — документ, но еще в дхармасутрах, как справедливо замечает Н. Сен-Гупта, свидетельские показания считаются более важными, чем документ, и им, естественно, уделяется больше внимания¹². *Агама* получает свое классическое выражение как триада

¹² Sen-Gupta, ук. соч., стр. 73.

праманов, возможно, к середине или в начале второй половины I тыс. до н. э., когда со все возрастающей потребностью в больших земельных массивах, ростом населения и городов стало особенно важным использовать отвоеванные у леса земли достаточно интенсивно. Кажется наиболее вероятным, что к этому времени теория собственности сложилась окончательно. Земельные отношения, в более широком смысле слова — имущественные отношения, и ранее отражавшиеся в системе правоотношений, а также уровень развитости этих последних послужили для индийских юристов отправным пунктом, когда они, поднявшись над тем уровнем права, который был достаточен для судопроизводства и представлял собой совокупность случаев юриспруденции с указанием решения каждого из них, занялись теоретизированием на их основе.

* * *

Встает резонный вопрос: на какие земельные фонды распространялась теория собственности? Источники это не оговаривают. Но очевидно, что теория *агамы* распространялась на земли частных собственников, служивших объектом всякого рода сделок, т. е. на земли крестьян-общинников, на земли держателей *брахмадеи*¹³, на земли, которые были безусловными держаниями и жаловались высокопоставленным чиновникам (*адхикртам*) кшатрийской варны (см. текст дарственного эдикта «Вьясы», цитируемый Апараркой в комментарии на «Яджнавалкью» I.317—318 и комментарий на эти шлоки Митрамишры) и членам царской семьи.

В том случае, если чиновникам вместе с условными земельными пожалованиями давались соответствующие документы, подтверждавшие их право пользоваться частью налогов или определенным земельным участком на время службы, они тоже косвенным образом попадали под действие правил *агамы*, поскольку эти документы также были для них *праманами*. Правда, эти *праманы* принадлежали к иной категории, нежели *праманы*-документы о дарении и продаже. Этот *праман* не наделял чиновника правами собственника и напоминал в этом отношении документы-заклады на какое-то имущество или документы об аренде, т. е. он давал право на владение и пользование, но не на распоряжение объектом.

Здесь следует сделать отступление и остановиться на вопросе о так называемых «государственных» землях. Теория собственности их не касалась — по крайней мере до того момента, когда они становились частными. Это представляется закономерным. В источниках не случайно нет данных о том, что «государственные» земли становились объектом тех или иных сделок; нет даже особой терминологии, которая должна была бы выделить этот земельный фонд среди прочих (как, скажем, термин *сита* в «Артхашастре» обозначает царские земли). Государственных земель в том смысле, в каком мы говорим о царских и крестьянских землях, не существовало. Перечисляя в одной последовательности земли царские, крестьянские (частные), государственные, а в ряде случаев и общинные, некоторые исследователи сопоставляют несопоставимое, однако эта тенденция наблюдается до настоящего времени¹⁴. Таксонометрически царские и крестьянские земли находятся на одном уровне, общинные — на другом,

¹³ *Брахмадея* могла быть как участком земли, так и *нибандхой* — кормлением, выражавшимся в праве на сбор налогов с теми же привилегиями и иммунитетами, которыми наделялась *брахмадея* первого типа. Несмотря на свой особый статус, земли *брахмадея*, являлись частными землями.

¹⁴ См. N. N. Kher, *Agrarian and Fiscal Economy in the Mauryan and Post-Mauryan Age* (Cir. 324 B. C. — 320 A. D.), Delhi, Varanasi, Patna, 1973, стр. 41.

ибо еще не доказано, что община в отношении тех земель, которые находились в коллективном пользовании общинников, имела права, аналогичные правам общинника применительно к его собственной земле. Что же касается так называемого «государственного» земельного фонда, то мы не находим критерия, пользуясь которым, можно было бы выделить его в качестве формы землевладения, специфически отличающейся как от царских, так и крестьянских земель. Невозделанные земли, которые часто представляют в качестве земель государственных, были землями ничейными, не принадлежащими ни царю, ни общинникам, однако они регулярно пополняли как царский, так и частновладельческий (не царский) земельные фонды. Причем права царя и крестьянина здесь различались, по-видимому, в том отношении, что царь мог присвоить в собственность земельные участки значительно большие, чем те, которые мог присвоить в собственность крестьянин. Царь мог, например, объявить своей собственностью лес¹⁵.

Вероятно, если и есть смысл говорить о «государственных» землях в древней Индии, то имея в виду все земли государства, включая сюда царские. В качестве таковых они рассматривались при заключении мирного договора с уступкой земли, когда царь-победитель на основании этого договора присоединял к землям своего царства часть земель царя побежденного. В этом случае, когда один царь уступал другому часть подвластной ему как суверену территории, он уступал г о с у д а р с т в е н н у ю землю, причем в нее входили земельные владения самых разных типов: и собственные земли царя, и частные крестьянские земли, и земли, никому не принадлежащие¹⁶. Это была единственная в индийской практике возможная ситуация, когда царь, подразумевая все земли своего царства, мог сказать: «Это моя земля».

Теория собственности не распространялась на земли царя, ибо если царь дарил или, возможно, продавал свою землю, он вступал в сделку с лицом другого социального уровня, и земля его, переходя к другому собственнику, меняла свой статус. Это единственный случай в индийском землевладении, когда лицо одного социального уровня могло заключить сделку с лицом иного социального уровня, инициатива при этом исходила от царя. Что же касается земель других частных собственников, т. е. крестьян-общинников и брахмандеиков, то и те, и другие имели право на заключение сделок лишь с лицами, равными им по социальному положению, земли их после заключения сделок не меняли своего статуса (см. КА III.10.9).

На наш взгляд, теория собственности вообще была связана с отношениями, складывающимися между собственниками земельных держаний однополового социального положения. Разумеется, не могло быть и речи о каком-то документе-прамане, который обеспечивал бы законность прав царя на его собственную землю. Тем не менее даже царь, когда он оформлял *шасану* (дарственный эдикт) о дарении какому-нибудь брахману *брахмандеи*, признавал тем самым эту систему обособления прав собственности, связанную с теорией *агамы*, единственно возможной. *Шасана*, вне всякого

¹⁵ Вопреки мнению Н. Н. Кхера (ук. соч., стр. 90), крестьянин не должен был доказывать право собственности на присваиваемый участок леса, ни тем более предварительно покупать его у царя. Если бы дело обстояло таким образом, указания «Ману» IX.44 и «Милинда-панхи» IV.5.15 о том, что собственность возникает после расчистки леса и благодаря ей, потеряли бы всякий смысл. Согласно «Артхашастре» III.9.33—34, человек, возделавший целину, автоматически становился собственником возделанного земельного участка.

¹⁶ См. А. М. Самозванцев, Об интерпретации главы «Артхашастры» *джанападаниवेशа*, ВДИ, 1975, № 3, стр. 132.

сомнения, нес на себе ту же смысловую нагрузку и выполнял те же функции, что и обычный документ-*праман*. Свидетелями являлись чиновники, оформлявшие и подписывавшие эдикт, а также жители, присутствовавшие при вступлении во владение *брахмадеики*. Де-юре *праман шасана* обеспечивал неприкосновенность держания и возможность заключения сделок с зафиксированным в нем объектом (или объектами — см. «Брихаспати» VII.33), т. е. возможность продажи, дарения, закладывания, возможно, аренды.

Однако из того факта, что теория *агамы* не распространялась на царские земли, не следует делать вывода, что эти земли были вообще исключены из отношений собственности. Коль скоро царь дарил, покупал землю, он являлся таким же частным собственником, как и его контрагент. Примечательно указание Виджнянешвары в его комментарии на «Яджнавалкью» I.318—320, что в момент дарения земли царем происходит *сватванивртти*, т. е. прекращение права собственности царя на объект дарения. На землях *сита* царь — если иметь в виду совокупность тех прав, которыми он располагал как собственник — был таким же *свамином*, т. е. собственником, как и крестьянин-общинник на своем земельном участке. И никак не меняет дела тот факт, что царь получал в виде налогов часть дохода крестьянина, чего последний не мог позволить себе по отношению к царю — подобными правами царь располагал как суверен, а не как собственник. Если бы удалось даже доказать, что дарение *брахмадеи* в первые века н. э. означало полное освобождение от налогов и поборов в пользу казны (что, в общем, маловероятно), то исчезла бы и эта разница между *свамином*-царем и *свамином*-*брахмадеикой*.

Таким образом, нам представляется возможным говорить о преобладании в древнеиндийском землевладении землевладения частного, в которое мы включаем два основных земельных фонда — царские и общинные частновладельческие земли. Что же касается того факта, что на общинника общиной налагались определенные ограничения в распоряжении собственностью, то он отнюдь не свидетельствует о том, что царь был собственником более — а крестьянин — менее полноправным. Эти ограничения налагались на крестьянина не как на собственника, а как на члена данного коллектива, по отношению к которому он нес определенные обязанности. Само право крестьянина распоряжаться своей собственностью юридически не оспаривалось, тем более не подвергалось сомнению.

В заключение следует сказать, что степень развитости имущественных (и прежде всего — земельных) отношений в древней Индии уже в середине I тыс. до н. э. была более высокой, чем казалось до сих пор, поскольку уже тогда возникла оригинальная и универсальная, охватывающая все типы собственности и всех собственников (кроме царской собственности и царя) концепция собственности, возможные аналоги которой в отношении других стран древнего Востока пока не засвидетельствованы. Носителями юридически неограниченного права частной собственности были собственники всех социальных уровней: как крестьяне-общинники, так и *брахмадеики*, те, кто пользовался плодами собственного труда, и те, кто, будучи *бхогиками* (получателями *бхоги* — дохода), пользовался налоговыми поступлениями и прочими доходами.

Примечательно, что поземельное право в узком и имущественное — в широком смысле слова в I тыс. н. э. в той мере, в какой его удастся проследить по источникам, не смогло внести в эту теорию ничего принципиально нового, восприняв ее без существенных изменений.

THE THEORY OF PROPERTY IN ANCIENT INDIA

A. M. Samozvantsev

The author's subject is a theory of law, i. e. systems of legal ideas that are interconnected and have their own internal structure and logic of exposition. The systems in question are contained in the *dharmasāstras*, a body of literature which took its present shape in the early centuries of our era, but which preserve a much more ancient tradition. In the author's opinion the theory of property originated in ancient India in the first half of the I millennium B. C. Study of this theory involves close terminological and structural analysis of the *dharmasāstra*, the «Arthasāstra» and the commentaries. Central to the theory are two concepts, *āgama* and *pramāna*. The first term, whose etymology suggests an original meaning «appropriation», «acquisition», goes back to very early times. Later, probably towards the middle of the I millennium, *āgama* became the legal title to ownership — property right. Title is proved by a system of *pramānas* («authorities»): documents, witnesses and use, the oldest of which is the witness. The theory of *āgama* was fully formed by the beginning of the second half of the I millennium. Besides proving title to ownership and use of an acquired property, these *pramānas* (also ordeal) served, according to the law, as proofs in other juridical contexts. Study of the sources enabled the author to establish the relationship between individual *pramānas* (which together comprised *āgama*) and the relationship of *āgama* to *svatva*. *Āgama*, property right, was established by at least two *pramānas*, one of which had to be «use»: if a property was not used, *āgama* was ultimately lost. The concept *svatva* was, from the legal standpoint, secondary in relation to *āgama*, was the abstract expression of *āgama*. Thus in ancient India possession, when constantly accompanied by use of the object possessed, derived from *āgama*, the right of property, which extended to land and property of all types, except those belonging to the king. However, from the standpoint of *āgama* theory, the king too was an owner of private property, just as were the peasant in the commune and the *brahmadeyika*, i. e. the holder of a land grant (*brahmadeya*), or any other owner of property.
